

11 ДЕК 1985

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ
г. Минск

СОВЕТСКАЯ БЕЛОРУССИЯ

СОК, МЕЛОДИЙ, СЛОВА

Народная артистка

Две фотографии из жизни Александры Климовой

Фотографический снимок давних лет. Кто она, эта юная и уже не по-детски взыскующая женщина? Даша, та самая, чье хождение по мукам вместе с другими героями трилогии А. Толстого оставляет глубокий след в душе читателей уже не одного поколения... Таковой Даша предстала в эпизодах студийного спектакля, который играли тридцать восемь лет назад питомцы прославленного училища имени М. Щепкина при Малом театре в Москве. Дашей была Александра Климова.

Второй фотоснимок — наши дни. Народная артистка СССР Александра Ивановна Климова со своими учениками, с будущими артистами. Вероятно, пытаться давать им уроки изложить хотя бы конспективно — зря зряшная. Одно безусловно: эта актриса учит каждого из них «быть» на сцене тем героем, роль которого поручена тебе сегодня. Не «казаться», не «тракто-

вать», не «прикидывать», но непременно «быть», отдавая жар собственного сердца и пылкость своего ума создаваемому художественному образу.

Два снимка... Между ними — большая жизнь в искусстве.

В годы ученичества Саша Климова в стенах Малого театра и его школы испытывала свой талант образами классической литературы. Наставники и коллеги выделяли ее из ряда не менее одаренных сверстников за истовое погружение в характеры пушкинской Земфиры («Цыганы»), Маши в инсценировке «Конца Чертопханова» по И. Тургеневу. И сцены из «Хожения по мукам» ввергали молодую актрису в противоречивый клубок страстей, с честью и достоинством сносимых незаурядной натурой.

На профессиональной сцене, пожалуй, самые впечатляющие творческие открытия совершены А. Климовой при том дорогом и главенствующем для нее в искусстве перевоплощении в образ, которое связано с именами У. Шекспира и Ф. Шиллера, А. Остров-

ского и Л. Толстого, Н. Чернышевского и А. Чехова, М. Горького и Вс. Вишневского. Нечто стихийное прорывается в ее темпераменте, когда она становится женщиной нелегкой судьбы в драмах С. Уильямса и У. Гибсона; взрывная сила таится в ее героинях из «Шестого июля» М. Шатрова и «Варшавской мелодии» Л. Зорина.

Стихийность... Взрывчатость... Да, конечно, и это органично присуще ее таланту. Откуда же тогда такая художественная завершенность и красноречиво детализированная выразительность в поведении климовских персонажей и во всем их облике? Ведь ничего умогательного в созданиях актрисы нет. Недаром прославленный партнер А. Климовой по минской сцене А. Кистов после первых же репетиций с нею заметил: «Она едва ли знает все секреты актерского мастерства, но зато ей ведомая накая-то тайна вдохновенной игры...»

Ну, а тайну такого рода не изложишь доктринерски перед студенческой аудиторией. Она передается неведомыми путями: из глаз — в глаза, из сердца — в сердце. Видимо, только так! Ученики же верят на первых порах словам, ждут определений, советов.

Да, их расспросы начинаются с наивного: «Как вы это делаете, как достигаете состояния, когда зритель верит в духовную свободу вашей героини, даже если она сознательно и рискует головой, пренебрегает голосом так называемого здравого смысла?» И называют, к примеру, роли Нилы Снижко в «Барabanщице» А. Салынского, госпожи Соколовой в «Последних» М. Горького... Наверное, артисту надо в творческом воображении как бы пережить пережитое героем, войти в его душу, чтобы ощутить объяснимые и необъяснимые мотивы рискованного поведения человека «у бездны на краю».

Однажды, вспоминая те годы собственного ученичества, Александра Ивановна сказала мне: «Зна-

услушав такое предположение, согласно кивает головой: «Возможно...» А сама-то она — откуда черпнула такое умение, от кого позаимствовала уроки высшей истинности в сценическом поведении? Талант начинает с подражания любимым кумирам, но вскоре сам выявляет собственное право на истолкование и воплощение роли. Аксиома! Однако все не так просто в театре. Попробуй напрямую подражать такой лучезарности, как В. Пашенная, — и ты будешь смешна в своих погутах. А как можно подражать М. Романову, если тебе и не бывать Федором Протасовым или дядей Ваней?

И все же... Уже само общение с крупным мастером, по естественному своему призванию творящему искусство перевоплощения в образ, — школа. Пусть и он не знает точного ответа на те же вопросы, которые только что прозвучали здесь: «Как вы это делаете?» Пусть отвечает приблизительно, предпочитая показывать, заново проигрывает эпизоды, прикидывает возможные варианты исполнения роли. Вы уже — в школе.

И исподволь переливается в жадно распахнутую душу ученика или ученицы нечто живое, неформулируемые творческие импульсы. Повтори мысленно за Александрой Ивановной хоть бы это озарение любви в ее Клеопатре из шекспировской трагедии: «Мне снилось — жил когда-то император по имени Антоний... Если б мне опять уснуть, чтобы опять приснился такой же человек!» Прислушайся, как вибрирует — не голос! — сердце женщины, когда она предпочитает вот так «уснуть», и ты в самой себе услышишь предвестие будущих трагедийных взлетов, раз ты не случайно стала ученицей А. Климовой...

Когда Саша Климова занималась в стенах прославленного училища имени М. Щепкина при Малом театре в Москве, она была такой вот жадной ученицей В. Пашенной. Внимала урокам А. Дикого. Вслушивалась и вглядывалась в поведение на сцене Е. Гоголевой. Подражала? Нет, скорее перенимала что-то интуитивно, брала на заметку памяти, пыталась разгадать необъяснимое.

Однажды, вспоминая те годы собственного ученичества, Александра Ивановна сказала мне: «Зна-

ете, актрисы Малого умеют показывать, как совет женщины царствует, но порою не способны управлять человеком. Воистину царствующая совесть преодолевает обстоятельства, борется с рутинной, с предрассудками, с обычаями, — и в этом ее величие и красота. Я догадывалась, вероятно, об этом, когда меня напутствовала в искусство Вера Николаевна Пашенная, а теперь это стало моим духовным знанием... Им нельзя овладеть умозрительно. И научиться этому, пожалуй, невозможно. Можно лишь самому научиться, если у тебя есть способности и желание. Моя задача — пробудить в учениках такое желание учиться у великих русских актеров. И каким-то самым волшебным «ключиком», с помощью которых мы творим на сцене, они должны добираться, сами, сами их отыскивать...»

Наверное, такой путь постижения необъяснимой тайны актерского искусства вообще верен. Самопостижение. Смотри, внимай, учись у многих — и выражай в себе самом способность воспроизводить на подмостках смятенный дух или прозревающий разум всегда неожиданной человеческой личности. Тогда ты — актер театра. И жаждешь не случайно сохранившегося умения заражать зрителя переживаниями героя, а умения подлинного мастера-творца. Ими велик театр и поэзия. Они привлекают нас к сцене, хотя в лучах ее рампы часто разыгрываются загоды известные нам сюжеты и выступают со школьных лет знакомые герои — сестры. Прозоровы или супружеская чета Макбетов. У

М. Горького есть замечание: «Люди, привыкшие судить ближних по фактам, были бы более справедливыми судьями, если б умели догадываться о мотивах фактов». Постигание мотивов поступков героя — профессиональный долг артиста. И — человеческий.

Театр на то и кафедра, с которой даются важные уроки жизни, чтобы мы, увлекаясь, извлекали поучительное для себя в своем моральном и этическом выборе норм собственного поведения.

Нельзя не быть признательным такому актеру и такому педагогу! Спасибо, Александра Ивановна!

Борис БУРЬЯН.
Фото и репродукция Л. Папковича.

